

1
Письмо П. Г. Антокольского Е. Б. Вахтангову 8 марта 1919 г.
- ответ на письмо Вахтангова Антокольскому 8 марта 1919 г.

Дорогой Евгений Вагратионович.

За несколько часов перед тем, как получить Ваше письмо, я обдумывал начало моего в Вам, и решил начать его так:
"То, что я Вам пишу, - торжественный момент в моей жизни. Мне хочется быть на острие моей любви к Вам, чтобы Вам было также легко и необходимо прочесть это письмо, как мне его написать".

Так я начинаю и теперь.

Великое моё горе и неудобство в том, что Вы не нуждаетесь в моей благодарности и во многом другом, в чём нуждаются обыкновенно люди. Поэтому мне приходится начинать прямо с самого главного, а это не всегда принято.

Вот это главное.

Вахтангов, знайте - я служу Вам и с сильно бьющимся сердцем радуюсь быть рабочим Вашей мастерской. Когда я вижу Ваше лицо - в музыке и в искрах Ваших молотов, - когда Вы нагнетаете грудным пеньем о Правде наши меха, - мне больше ничего не надо, как только стоять рядом с Вами - Рыцарем, Мастером и Другом. К этим трём именам прибавим студийное обычное "Руководитель".

И знайте ещё, Вахтангов, - не верьте мне, если я буду говорить или делать противоположное только что сказанному. Не верьте, чтобы это противоположное превышало или равнялось вещам, которые мне легко отдать Вам сейчас - мою человеческую любовь и мою рабочую силу. Эти две - остриё и линия судьбы /как выражаются хироманты/. Остальные - день и час - они бывают разными - и бывают ужасно, до отчаянья /я почти жалуясь/ дурными.

А вот сейчас только и есть у меня, что Ваши глаза.

Многие говорят, что мы в чём-то по-разному смотрим на

искусство. Этого не может быть, раз мы оба открыты принять всё, что угодно, лишь бы - настоящее. А в оценке "настоящего" никто никогда ещё не расходился с кем бы то ни было.

Верьте, Евгений Богратионович, что Студия существует не даром. В этом искоженном нашими калошами переулке - несомненно много следов человеческого горя, любви, обид и мечтаний, ошибок и примирений. Такие вещи зря не пропадают. А когда всё пройдёт, когда кончатся наши трéпаные юности, когда вокруг и в нас самих будет чисто и бело, как на великом деревенском снегу, - о, тогда мы опять сядем за этот же стол 18 человек - и в дешёвом папиросном дыму, в час городской Полуночи и гораздо позже в тревожном волнении так же будем задавать Правде и Вам свой последний и единственный вопрос: как нам жить дальше. Ну вот.

Как видите, дорогой Евгений Богратионович, у меня нет к Вам никакого дела, а есть одна сплошная лирика.

Желаю Вам здоровья и бодрости, и весёлой, со звоном, со славой весны через месяц.

Любящий Вас Павел Антокольский.

P. S. Маленькие стихи - залог пьесы в будущем году.

Евгению Вахтангову

Всем чемпионам шахматной науки,
Актёрам, птицам, плотникам - в пример,
Твои сухие жилистые руки
И твёрдый ястребиный глазомер.

Товарищем, чьё имя Люцифер,
Нарядным чёртом в комедийном трюке,
Вином демагогических химер
И пенем Правды в круговой поруке.

Так - в разных днях - единое лицо
Над нами, кучкой пьяных подлецов
В Американском Баре, в ночь Потопа

Так впереди - Народный и Ничей
Театр, и в нём Творенья семь ночей,
И русским братством пьяная Европа.